

044778

2004)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МАВРОДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

2004

Актуальные проблемы историографии и исторической науки

Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию
исторического факультета Санкт-Петербургского
государственного университета

Под редакцией проф. А. Ю. Дворниченко

В Библиотеку ИИМК

25.11.04. Мичкин



ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2004



Волкова Е. В. Карл Миллес. Актуальные проблемы историографии	206
Рыков А. В. «Проблема телесности» в современном западном искусствознании (П. Фаллер, Д. Каспит, Р. Краусс, И.-А. Буа)	207
Шалина И. А. О границах научного исследования средневекового искусства	209
Карпова Л. Н. Н. М. Тарабукин и его вклад в теорию религиозного изобразительного искусства	211
Антипов И. В. «Реставрационное» строительство новгородских архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского в отечественной историографии	212
Чежисина Ю. И. Проблема историографии костюмированного портрета в русской культуре XVIII в.	213
Евсеев М. Ю. Итальянские письма С. Ф. Щедрина как исторический источник и их первая публикация	215
Новожилова И. В., Трудачева З. С. А. Н. Бенуа о Петербурге	216
Глинтерник Э. М. Историография русской дизайн-графики конца XIX — первой трети XX в. (от художественно-критического к историко-теоретическому освоению)	218
Рябов А. В. Изменения в отношениях государства и культуры в начале 1920-х гг.	220
Фоменко А. Н. Дискуссия о фотосерии и ее историческая роль в борьбе течений в советском искусстве конца 1920-х — начала 1930-х гг.	223
Муравьев А. Л. 1920-е годы: Кино и общество в России	224

Археология

Тытонов И. Л. Специальность или специализация: кафедра или отделение? (Из истории археологического образования в Санкт-Петербургском университете)	226
Белановская Т. Д. Из воспоминаний студентки (1936–1941 гг.) и аспирантки (1944–1947 гг.) кафедры археологии исторического факультета ЛГУ	229
Клейн Л. С. Типы ученых в истории российской археологии	230
Прягин А. Д. Новый этап в осмыслении истории и историографии археологии	231
Седых В. Н. Проблемы славянского освоения Верхнего Поволжья в исследованиях кафедры археологии Санкт-Петербургского университета	233
Платонова Н. И. Первая аспирантура Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК)	235
Виноградов Ю. А. В. Ф. Гайдукевич: Путь советского археолога	237
Горончаровский В. А. И. Г. Шургая как исследователь античного Восточного (к 70-летию со дня рождения)	239
Беляева В. И. Пушкари I за двадцать лет исследований	240
Васильев С. А. Изучение палеолита в Петербурге: история и современность	242
Тункина И. В. Материалы о Поле Дюбрюксе во французских архивах	244
Гиря Е. Ю. История и отдельные тенденции развития экспериментально-трассологической методики	246
Калашиникова Н. М. Вклад ученых-археологов в изучение памятников прикладного искусства Древней Руси (металлический убор)	248

Этнография

Белков П. Л. Проблема соотношения факта и источника в исторических дисциплинах	251
Попов В. А. Историческая типология систем терминов родства: историография проблемы ..	252

**ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОГО ОСВОЕНИЯ
ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ КАФЕДРЫ
АРХЕОЛОГИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Территория Верхнего Поволжья и шире — Волго-Окского междуречья — представляет собой наиболее важный в историческом отношении регион Восточной Европы. Она издавна привлекала к себе человека обилием удобных озер, рек и плодородных земель, выгодным географическим положением в лесной зоне Восточной Европы, где происходило формирование многих народов и сформировалась великорусская народность. Согласно письменным и археологическим данным эта территория была издавна заселена финно-угорскими племенами. Освоение региона славянским в своей основе населением составило начальный этап формирования древнерусской народности в Северо-Восточной Руси.

Проблемы, связанные с освоением / колонизацией этой территории, ролью местного финно-угорского населения в формировании здесь древнерусской народности с характерной материальной и духовной культурой, находятся в центре внимания историков, лингвистов, этнографов и археологов уже давно (Дубов 1978). Историки XIX — начала XX в. (С. В. Ешевский, Д. Н. Корсаков, Бестужев-Рюмин, А. И. Соболевский, С. Ф. Платонов и др.), основываясь на данных летописных сообщений, топонимики, гидронимики и «сравнительной филологии» и практически игнорируя уже имевшиеся археологические данные (результаты раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева), создали историческую концепцию заселения этой территории. Согласно ей движение колонистов осуществлялось с северо-запада, со стороны Новгородских земель, и завершилось быстрой мирной ассимиляцией местного финно-угорского населения.

Впервые фонд «мерянских древностей» был использован для исторических реконструкций крупнейшим русским археологом, профессором (до 1927 г.) Петроградского-Ленинградского университета А. А. Спицыным. Анализ археологических материалов привел его к заключению, что исходный центр колонизации Северо-Востока находился не на Северо-Западе, а в Смоленском Поднепровье, где жили кривичи

(Спицын 1905, 1924). Начало этого процесса автор относил к IX в., при этом, по его мнению, меря была полностью ассимилирована славянами, и поэтому бессмысленно заниматься поисками ее следов и характерных элементов. Отрицание вклада финно-угров в формирование древнерусской народности на территории Северо-Восточной Руси будет сохраняться в науке еще долгое время (Зеленин 1929; Станкевич 1941 и др.).

В дореволюционной археологической науке была представлена и другая точка зрения. Ее автором был основной научный оппонент А. А. Спицына ярославский историк и краевед, археолог И. А. Тихомиров, проводивший раскопки могильников под Ярославлем. Последний присоединился к концепции историков XIX в. о северо-западном центре колонизации, указывая на удобство речных путей при таком направлении движения. Он связывал это передвижение с активностью скандинавов и предполагал прямые связи региона со Скандинавией, что отрицалось А. А. Спицыным.

Наиболее полно анализ проблем славянского заселения Волго-Окского междуречья представлен в трудах чл.-корр. АН СССР П. Н. Третьякова (с 1938 г. — доцент кафедры археологии). Взгляды его формировались на протяжении длительного времени и притерпели определенную эволюцию, отражая тенденции, гипотезы, концепции отдельных периодов отечественной истории и археологии. Первоначально Третьяков (1939, 1953) полностью поддерживал точку зрения А. А. Спицына, полагая, что во второй половине I тыс. н. э. Верхнее Поволжье было окраиной славянских (кривичских) земель. В своих последующих работах ученый учитывает и северо-западное направление славянского заселения при доминировании юго-западного очага (Третьяков 1949, 1957). В последних исследованиях он пишет, что массовое расселение славян в мерянских землях происходило начиная с конца VIII — начала IX в., причем на первом этапе колонизационные потоки идут из Новгородских земель по крупнейшим водным путям (Третьяков 1970). По мнению исследователя, массовая колонизация представляла собой не просто механический процесс передвижения племен или группировок, а сложное экономическое, социальное и политическое явление, в котором принимали участие не только славяне, но и разноэтничное, уже затронутое славянским влиянием как пришлое, так и местное население.

Оригинальная идея о внедрении славянства в области лесной зоны Восточной Европы принадлежит М. И. Артамонову (1988, 1990). Не исключая мирного характера появления славян в лесной зоне, автор все же отдавал предпочтение фактору завоевания этих земель. По мнению М. И. Артамонова, расселившись беспрепятственно в лесостепной полосе под эгидой Хазарского каганата и освоив Среднее Поднепровье, славяне начинают в VIII в. продвижение в лесную полосу — на Верхний Днепр и Верхнюю Оку, на исконную балтскую территорию. В IX в. они проникают на Верхнюю Волгу и в северо-западный край, заселенные финно-уграми. Именно с вторжением славян в Верхнее Приднепровье и Поволжье связывает автор гибель балтских и финских поселений и укрепленных городищ-убежищ не ранее IX в. Фактор завоевания способствовал быстрому продвижению славян на слабо населенные чужие территории. Главной целью проникавших первыми вооруженных отрядов — групп промысловиков и торговцев — было обложение туземцев регулярной данью. И в этом отношении они ничем не отличались от иноземных варягов — викингов. Вслед за промысловиками и торговцами уже шли оседлые поселенцы, «искавшие лучшей доли». Продвигались переселенцы по рекам, не проникая вглубь от речных магистралей, благодаря чему там долго сохранялось прежнее население. Одной из причин, побудивших славян к переселению из среднеднепровской Лесостепи на се-

вер, являлась постоянная (начиная с IX в.) опасность со стороны степи. Славянское завоевание лесной полосы Восточной Европы по времени совпало с проникновением в те же области скандинавских викингов. И те, и другие были «находниками», т. е. пришельцами, завоевателями. Встречное движение славян и варягов привело их к столкновению друг с другом, но общность целей — подчинение местного населения и обложение его данью — способствовала их конечному объединению во второй половине IX в. под названием «Русь». Памятники под Ярославлем М. И. Артамонов считал русскими, т. е. славяно-норманскими.

С разворачиванием в 1960–1970-е гг. археологических исследований в регионе Ярославской (И. В. Дубов) и Волго-Окской (А. Е. Леонтьев) экспедиций значительно пополнилась источниковедческая база, что позволило вернуться к рассмотрению означенных выше проблем на современном уровне. Благодаря этим экспедициям данные об известных с XIX в. погребальных памятниках были дополнены материалами открытых в ходе работ поселений и кладов, были открыты новые памятники в мерянских землях и др. Анализ всего комплекса данных позволил воссоздать более достоверную картину истории Верхневолжья эпохи раннего средневековья (Дубов 1982, 1989; Дубов, Седых 1992–1995; Седых 1988, 1995–2003).

Освоение региона Верхневолжья началось в IX в. и осуществлялось смешанным в этническом отношении населением (славяне, скандинавы и др.). Учитывая это обстоятельство, правильнее называть этот процесс *древнерусским* освоением региона. Основной исходной территорией были Новгородские земли. Памятники этого времени крайне немногочисленны, славянский компонент в их материалах выражен слабо. Широкое земледельческое освоение края началось через сто лет, во второй половине X в., и проходило по мере укрепления государственной власти на финских землях с опорой на возникшие в IX в. центры. Первоначально отдельные общины поселенцев создавали «чересполосицу» поселений с мерянским населением в наиболее освоенных областях (районы озер Неро и Плесеево, Суздальское Ополье), впоследствии сыгравшую положительную роль в достаточно быстрой ассимиляции (славянизации) местного населения в ходе последующей «внутренней колонизации». В более редких случаях древнерусские поселения развивались на основе прежних финских памятников. Однако большинство местных поселков в районах озер в X в. оказались заброшенными (Леонтьев 1996). В XI в. происходит резкое увеличение древнерусского населения в Волго-Окском междуречье, в первую очередь за счет интенсивного притока из области кривичей, которое проникает и вглубь территории. Процесс феодализации выразился в формировании социально-стратифицированного общества, в создании и укреплении городских центров и в появлении многочисленных сельских поселений и могильников на территории Северо-Восточной Руси.

Н. И. Платонова

ПЕРВАЯ АСПИРАНТУРА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (ГАИМК)

Введение аспирантуры как таковой имело отчетливую идеологическую направленность (см. Инструкцию РАНИОН «О порядке подготовки научных работников в